

Антон

ШУШАРИН

г. Архангельск

МУХА ЛЕТИТ НА ЗАВОД

рассказ

1

Мир не без добрых людей, подумал Мишка, когда социальный работник пообещал ему после освобождения из колонии помочь с трудоустройством. Он спросил:

— Серьёзно? Остаться у вас в городе?

Мишка был неместный. В воспитательной колонии сидят пацаны из пятнадцати регионов. Возвращаться ему было особо некуда. У матери с отцом свои семьи, а он отрезанный ломоть. С двенадцати лет бедовал по спецухам и баторам (это такие школы-интернаты для малолеток), в пятнадцать попал в колонию, и вот в неполных девятнадцать лет срок Мишкиного заключения кончился.

— А что? — пожал плечами соцработник. — На заводе всегда есть вакансии. После стажировки и ученичества есть возможность получить разряд. Желающих отправляют учиться. Соглашайся. Денег заработаешь! За четыре года ты нам всем как родной стал. Хочется тебе помочь.

— Работа — это хорошо, — неуверенно сказал Мишка. — Только мне жить негде.

— Это мы предусмотрели. Есть комната в общежитии, — заверил соцработник. — Всё необходимое там присутствует: диван, стол, стул, микроволновка. На первое время хватит, а потом сам себе снимешь жилье или завод предоставит.

— Роскошно, — обрадовался Мишка.

— Замполит даст тебе номер телефона заводского начальника, позвонишь, договоришься о встрече, — продолжал соцработник. — Придешь в заводские кадры, получишь список необходимых документов и направление на медкомиссию.

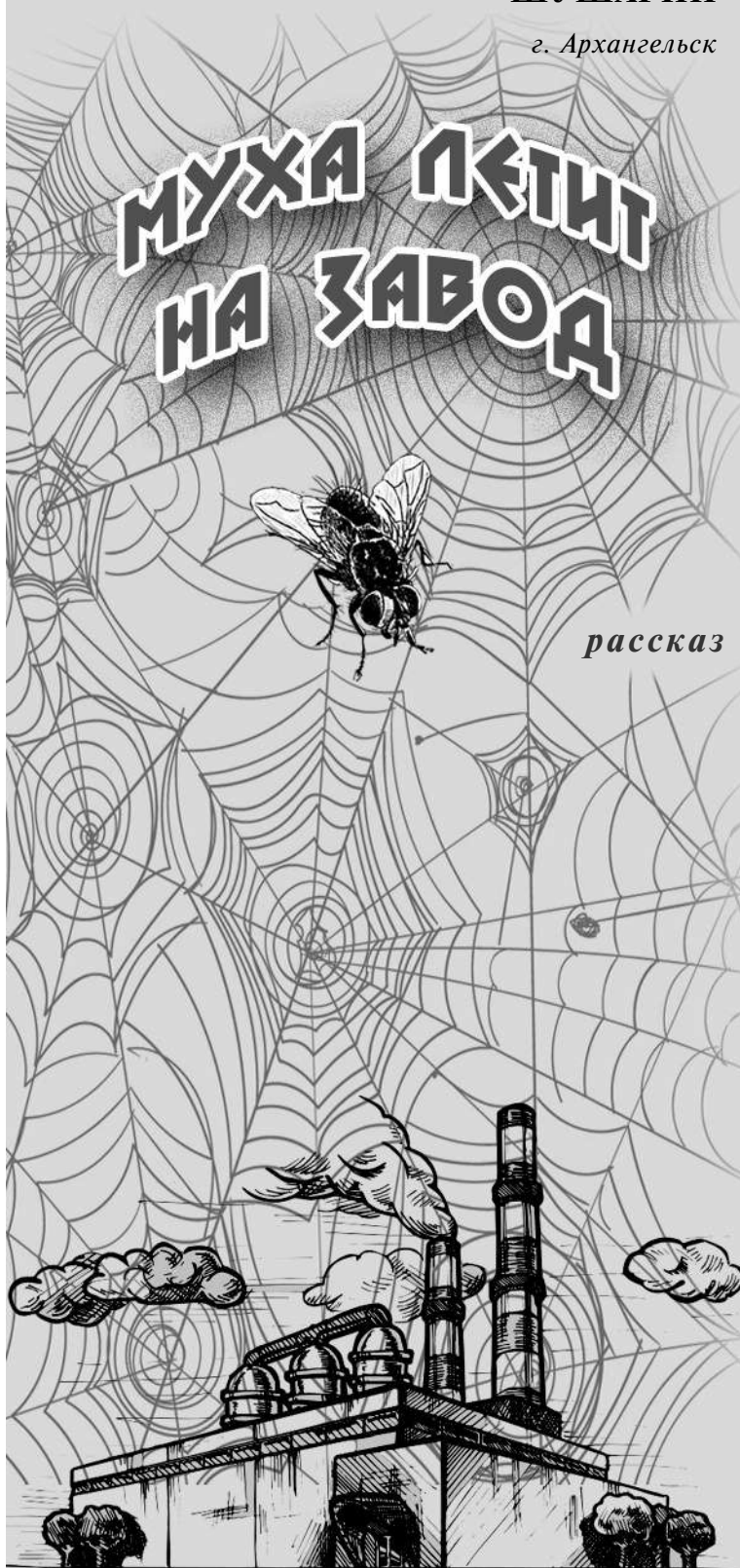
— Муторно, — вздохнул Мишка.

Соцработник попытался приободрить:

— Зато через месяц на работу устроишься, через два получку дадут. Немаленькую.

— Да, тут всё же севера... У нас в средней полосе зарплаты так себе, мне батя рассказывал, — согласился парень.

— А когда на разряд сдашь, она очень даже приличная станет для такого молодого парнишки!

— Новая жизнь, — размышлял Мишка.
 — Конечно! — бодро подхватил соцработник.
 — Никаких старых связей, никакого криминального прошлого. Начинаешь взрослую трудовую жизнь с нуля. Никто на тебя не влияет, не мешает тебе.
 — Решено! — хлопнул в ладоши Мишка. — На завод!

2

Провожали Мишку чуть ли не всей колонией. Шутка ли, мальчишка отсидел четыре года. Вырос, возмужал, окончил школу и получил аттестат.

— Давай, Мишаня, звони, — пожал руку начальник отряда. — Куда сейчас?

— На хату, — усмехнулся Мишка. Он сжимал в руке бумажку с адресом комнаты в общежитии, где ему предстояло поселиться, и связку ключей. — Брошу вещи и на завод пойду устраиваться.

Мишка пожал руки провожающим и пошел на автобусную остановку. На душе было так радостно, что он представлял себя едва ли не директором завода.

Зазвонил мобильный телефон: мать прислала его Мишке в посылке перед освобождением вместе с сим-картой, чтобы сын был на связи. Не новый, конечно, из дешевых, но всё-таки не кнопочный и с интернетом. Мама загрузила нужные приложения, вбила необходимые телефоны. Даже навигатор был.

— Алло.

— Ты где, сын? — это звонил батя — человек суровый, дважды судимый.

Именно глядя на него, Мишка начал чудить по молодости. Думал, братва оценит, что он собрался идти тропой отца. Оказалось, фигня всё это. У каждого своя дорога, по чужой колее не проскочишь.

— Я на воле.

— Что решил?

— Тут останусь. Жильё у меня пока что есть. Попробую на завод пойти, говорят, платят хорошо.

— Это правда, — батя кашлянул. — Ты пра-

вильно решил. Нечего тебе у нас в посёлке делать. Я с утра до вечера баранку автобуса кручу, а на жизнь еле хватает. То купи, это купи, братишке твоему мелкому купи... Большой город — другое дело.

Мишка не любил эти разговоры. О нём особо никто не заботился. Сначала родители были заняты своими ссорами, потом отца надолго посадили, мать растерялась, запила. Бабушка забрала Мишку к себе, но через пару лет померла, пришлось возвращаться к матери, которая к тому времени нашла себе нового мужа. Нет, по итогу у всех всё сложилось: мать с этим мужчиной поженились, переехали в город, купили квартиру, машину, родили двух девочек. Батя освободился, когда Мишка сам уже сидел. Ничего, отец тоже нашёл себе женщину, обзавёлся ещё одним сыном, работает, не пьёт. Пацаны с посёлка писали в письме, что вроде как его жена снова беременна, но сам отец про это молчит. Нет места для Мишки ни в сердце матери, ни в сердце отца, а в квартирах их — тем более.

— Ладно, батя. Давай. Созвонимся потом, — предложил Мишка отцу.

— У тебя как с деньгами? — не отставал тот.

— В колонии работал, копил последние полгода. Кое-что звякает.

— Банковская карта есть?

— Откуда?!

— Не откладывая, сделай карту! Скинь мне номер, я тебе денежку переведу на первое время. Тоже подкопил тут. — Отец снова кашлянул.

— Ты болеешь, что ли?

— Да не, так. От курева, наверно.

Сын не поверил. За годы, проведенные среди чужих людей, он научился читать их по голосу, глазам, жестам.

— Давай пока. Автобус подошел.

Мишка забрался в пригородную маршрутку, поставил на колени рюкзак, уселся к окну. Внешне он ничем не отличался от пассажиров: белобрысый, в спортивках и в кроссовках, в короткой синтепоновой куртке и черной бейсболке. И не скажешь, что он только что переступил порог специального учреждения, где торчал несколько лет, — по крайней мере, на это надеялся Мишка.

Майское солнышко грело щеку через стекло. Широко распахнув голубые глаза, Мишка впитывал проносившуюся мимо него действительность. За окном деревья зеленели свежей листвой, на дачных участках, расположенных вдоль дороги, копошились люди. В салоне автобуса пахло пылью, духами женщин, сидящих впереди.

— Кайф, — улыбнулся Мишка и повернул веснушчатое лицо на остановившуюся в проходе тётеньку.

— Пьяный, да? — проскрипела она.

— Чего? — опешил Мишка.

— Того. Плати за проезд.

— А сколько стоит?

— Ты чего, из тюрьмы сбежал? — в точку попала тётка.

— Почему? — расстроился Мишка. Подумал: взгляд, что ли, его выдал?

— Цену не знаешь.

Мишка протянул пятьсот рублей.

— Поменьше есть?

— Например?

— Ты дуру из меня не делай! — вскипела тетка. — Плати или вылезай!

— Я и плачу! — психанул Мишка.

Кондуктор порылась в сумке, вытащила самые замызганные сотенные бумажки и горсть серебристой мелочи.

— На, — она высыпала сдачу в подставленные ладони. — В следующий раз вообще рублями дам!

Мишка промолчал. Он даже не обиделся от удивления. Очень давно с ним не обходились так бесцеремонно. Привык, знаете ли, что все с ним на братской ноге. Сотрудники в колонии вежливые, учителя приветливые, пацаны Мишку уважали. А тут первый повстречавшийся вольный человек обхамил по полной программе.

Мишка отвернулся к окну и уткнулся лбом в стекло.

3

Здание банка он нашёл по навигатору. Вошёл внутрь, стесняясь.

Подошла милая улыбчивая девушка.

— Могу вам помочь?

— Ага. Мне карту надо сделать.

— Какую?

— Обычную. Куда деньги кладут.

— Дебетовую? Зарплатную?

— Типа того. Наверно.

Девушка взяла для Мишки талончик на очередь, объяснила, куда смотреть, что слушать. Очень хороший сервис. Душевный. Другая банковская служащая, тоже девушка, быстро оформила карту, рассказала все нюансы пользования, поблагодарила за доверие и пожелала Мишке хорошего дня.

Офигеть! Сегодня день противоречий, решил он. Дальше собрался прогуляться, но сначала бы перекусить: проголодался. Зашел в продуктовый, выбрал две мини-пиццы. Замершался у холодильника с пивом: заманчиво. Прошёл мимо, взял кефир.

На кассе попросил:

— Дайте ещё сигарет.

— Выбирайте, — кассирша ткнула пальцем в отпечатанный на принтере список наименований.

— Блин, — растерялся Мишка. — Таких, которые мне надо, нет.

— Другие возьмите, — отозвалась женщина.

— Давайте те, что обычно все берут, — сообщил Мишка.

— Я не знаю, какие все берут! Что вы мне нервы мотаете? — возмутилась кассирша.

Скапливалась очередь.

— Возьми эти, — посоветовал Мишке какой-то мужик, ткнув пальцем в строчку посредине листа.

— Мне такие, — и он поставил туда же палец.

— Зажигалку не забудь, — подсказал добрый дядя.

— Паспорт давай, — вдруг потребовала кассирша.

Мишка, покраснев, порылся в рюкзаке, показал.

— Не продам, — упёрлась тётка.

— Как это? — не понял Мишка.

— Восемнадцати нет.

— Да вы посчитайте, мне девятнадцать скоро!

— Да?

— Да!

Тётка всё же стала пробивать покупку. Мишка положил на блюдечко наличные.

— Что ж такое! — женщина даже раскраснелась. — Ещё и карты у него нет!

— Есть у меня карта! — выпалил Мишка. — То есть будет! Я уже заказал.

Прихватив покупки, вышел из магазина, остановился возле крыльца перевести дух, оглядеться, перекурить. Сигарету в руках сто лет не держал.

— Чего ты, малой, теряешься? — из магазина с поллитрой вышел тот мужик-советчик. — Как будто вчера из командировки приехал.

— Я и приехал. Сегодня, — пояснил Мишка.

— Да ну, — удивился дядька. — Сидел, что ли?

— А что?

— Ничего. На вот, — мужик протянул бутылку. — Хлебни. Угости-ка сигареткой.

— Да я не это, — замаялся Мишка, протягивая пачку. — Вроде как не готов еще выпивать.

— А чего так? — удивился мужик.

— Надо сперва до дома добраться.

— Где живешь-то?

— Вот, — Мишка протянул бумажку с адресом.

— Так это рядом. Общага. Блочная система. Четыре или три комнаты и общая кухня. Зато сортир и маленькая ванна у каждого свои! Я там бывал. В гостях. Роскошно. Один жить будешь?

— Да, — кивнул Мишка.

— Пошли, я тебя провожу. Сядем, выпьем. Потремим малёха. Как там, в лагерях, нынче?

Двинули по улице. Мишке показалось, что он попал в компьютерную игру-бродилку: очень хорошая графика, но ощущение, что всё не по-настоящему. Мужик вёл его дворами, останавливался хлебнуть из горла, трещал о своем тюремном прошлом, и чем дальше — тем громче. Когда добрались до желтого здания общаги, в бутылке оставалось меньше половины.

— Вот она, общага твоя! — указал мужик. — Подъезд один. Пошли!

— Погоди, — остановил его Мишка. — Сначала я один наверх сбегая, рюкзак кину и выйду. Надо в магазин сходить, закуси купить и еще кира. Бутылка-то кончается.

— Точно. Ну, сходи, — согласился мужик.

Мишка открыл ключом-таблеткой ржавую дверь с домофоном, зашел в темный вестибюль, выдохнул: вроде отделался от того мужика. Походил по этажам, нашёл нужный, отыскал и секцию за голубой фанерной дверью. Открыл. Прямоугольный коридор заканчивался огромной кухней. Мишкина комната оказалась первой слева. Дальше была еще одна и напротив две.

Мишка прислушался. Кто-то кашлянул. Орал телевизор. На кухне подгорала рыба, к потолку поднимался едкий дым. Пахло отвратительно. Он заторопился, открыл дверь своей комнаты, скользнул внутрь.

Комната квадратная, просторная, справа — узкая дверь, Мишка заглянул в неё: санузел. Одно большое окно с тяжёлыми шторами. У стены — диван, напротив — стол. Пахнет нежилым помещением. И рыбой!

Мишка шагнул к окну. Скрипнула половица и дальше — скрип-скрип-скрип. Распахнул окно, вдохнул свежий майский воздух. Улыбнулся, шепнул:

— Свобода, — перекатил сладкое слово во рту, как леденец.

4

— Вот, — кадровичка подала пачку бумаг. — Как заполните — принесите. А это памятка. — На отдельном листке был длинный список необходимых документов, анализов, справок и т.д.

Мишка наморщил лоб, пытаясь разобраться с ходом.

— Что-то непонятно? — торопливо спросила женщина.

— Нет-нет. — Мишка понял, что его выпроваживают.

Он вышел на улицу, присел на лавочку возле административного здания, перелистал бумаги. Набрал номер телефона заводского начальника, который дал ему замполит.

— Говорите, — сразу перешел к делу голос на том конце.

— Здравствуйте. — У Мишки от неожиданности ни одной мысли в голове. — Я освобо-

дился вчера из детской колонии, сходил в кадры, мне велели позвонить вам.

Мысленно одернул себя: «Что я несу?!»

— А-а-а! Вы — Михаил! — подхватил жизнерадостный мужской голос в трубке. — Помню, помню! Мне отрекомендовали вас с лучшей стороны. Хорошо, что позвонили. Ну, как у вас настрой?

— Пока непонятно, — честно сказал Мишка. — Впереди медкомиссия и сбор документов.

— Пустяки! Формальности! Все через это проходят. Надеюсь, вам объяснили, что из-за судимости вас в сварщики и сборщики не возьмут. Начинать свою трудовую деятельность будете такелажником, ну а потом как пойдёт.

Конечно, Мишке ничего не объясняли. Владелец приятного голоса, не жалея времени, объяснил процесс подготовки документов, порядок сбора справок, принципы и перспективы работы такелажником. Пообещал небольшую зарплату сразу и огромную — в будущем.

— Еще у нас есть льготная ипотека, различные меры поддержки...

— А жильём обеспечиваете?.. иногородних? — перебил Мишка.

— Тут сложнее. Есть процедура, — начал юлить голос. — Но в принципе...

— Просто мне жить негде, — бухнул Мишка.

— У меня другая информация, — перешел на деловой тон работодатель.

Защищается, понял Мишка. Ничего у них не предоставляют.

— Сейчас мне есть где жить. Меня на месяц пустили в общагу, а потом... — стал пояснять он.

— Отлично! — ухватился за это голос. — Если поторопитесь, успеете трудоустроиться и даже аванс получить. На первое время комнату снимите, а там... Всё образуется, уж поверьте...

— Я верю, — вставил Мишка.

— Если что, я на связи, — вдруг неожиданно коротко сказал голос, и соединение тут же оборвалось.

Что-то непонятное вырисовывалось в Мишкиной жизни — это он почувствовал, и ему стало тревожно, как в первый день в СИЗО.

5

Мишка набрал номер отца.

— Пап, привет.

— Привет.

— Мне тут пачку документов надо собрать, чтобы на завод устроиться. Тут и сведения о прививках, и справка от участкового по месту жительства, другие справки всякие: кож-вен, психушка. Военный билет нужен, а у меня его в помине нет!

— Так. Что нужно от меня?

— Можно, я тебя грузану? Надо кое-какие документы подсобрать. В отделе кадров мне список дали. Я бы фотки его сделал и тебе по мессенджеру отправил... Поможешь?

— Не вопрос, Миша. Чем смогу.

Отец — красавчик! Конкретный мужик. Такой заднюю не врубает в ответственный момент: понимает.

— Спасибо, батя, — Мишка был растроган. — Я тут один совсем. Мне ссыкотно очень, понимаешь... Впервые по-взрослому сам по себе плыву.

— Ладно. Ты там держись, руки не опускай.

— Я все думаю, вдруг не получится. Что тогда?

— Ну, приедешь домой, — успокаивал отец. — Придумаем что-нибудь. Не уникальная ситуация, люди помогут. Но лучше не доводи до этого.

— Да я понимаю, у тебя своя семья, у мамки — своя.

— Дурак ты! — отец выругался. — Ты сын мой! Понял? Я всегда рядом буду. Всегда помогу. Я много чего тебе задолжал и по факту обязан.

Они замолчали. Каждый переваривал сказанные слова.

— Ладно, — промямлил Мишка. — Бать, нормально всё. Ты для меня образцом был.

— За это я себя больше всего корю, — искренне сказал отец.

— Ну, хорош, — запротестовал Мишка. — Ты слово своё всегда держал, а это что? Это главное! Удар всегда держал! Голову не опускал!

— Ничего ты не знаешь, — вздохнул отец. — Ладно, давай высылай свои фотографии.

6

Мишка был в комнате общежития. К нему постучали. Он подскочил на диване. Положил телефон на стол, подошел к двери.

— Кто там?

— Сосед.

Мишка открыл. Перед ним стоял невысокий темноглазый парень постарше. Он потянул носом воздух:

— Ты зачем в комнате куришь?

— А что? — не понял Мишка.

— А то, что несёт в общий коридор. Я, например, не курю. Моя девушка тоже. Почему я должен дышать дымом?

— Я — в окно, — попытался оправдаться Мишка.

— Какая разница? Есть закон. Кури на улице. А лучше совсем не кури, — посоветовал парень. — И вообще, ты откуда тут нарисовался? Снимаешь?

— Ага, — кивнул Мишка.

— Давай тогда познакомимся. Владимир. Инспектор ГИБДД.

Официально как!

— Михаил.

— Где работаешь?

— На завод устраиваюсь.

— Приезжий?

— Это вопрос, товарищ инспектор? Вызывайте повесткой!

— Надо будет — вызовем, — Владимир строго уставился на соседа.

— Ладно, — взвесив риски, согласился Мишка. — Буду курить на улице. Ещё что? За блоком сходить? Вдруг забуду какое-нибудь правило?

— Пока всё, — не мигая, смотрел на него Владимир.

Мишка закрыл дверь. Подумал: «Ну и сволочь — этот сосед! Надо же поселиться рядом с ментом, да ещё и таким ретивым!»

Мишка сдёрнул с дивана покрывало, примерил на дверной проём: выходит, даже с запасом.

Подкопив смелости, постучался в дверь к соседям за стенкой. Открыл лохматый пожилой мужичок в майке.

— Здорова, — выдал сразу сосед.

— Добрый вечер, — нарочито вежливо поздоровался Мишка. — Я ваш новый сосед. Миша. Не одолжите ли молоток и гвоздиков небольших с десяток? Если, конечно, есть.

— Найдется. Заходи.

Соседи жили скромно, зато комнаты у них было целых две. Поздороваться вышла хозяйка — толстая женщина с сединой в волосах.

— Сосед новый. Через стенку. Миша, — пояснил мужичок.

— Здрасьте, — кивнул тот.

— Добро пожаловать, — сказала тётя.

— Может, новоселье отметим? — предложил мужик. — Слышь, Верка?

— Не устал пить-то? — хозяйка хмурила брови.

— Здоровья хватает, — сосед достал молоток, отсыпал горсть гвоздей. — Так что? Посидим культурно?

— Только мне кое-что сделать надо. По ремонту, — предупредил Мишка.

— Делай! — кивнул мужичок. — А я в магазин сбегая. Верка, давай тыщу!

Та поджала губы:

— Скидывайтесь.

Мишка достал из кармана пятьсот рублей, протянул мужику.

— Отлично! — обрадовался тот. Спohватившись, представился: — Меня Григорий зовут. Пенсионеры мы. Давай я, как с магазина пойду, к тебе постучусь. Верка, организуешь закуску?

— Тушёнку открою, — пообещала жена. — Банку огурцов дам. Хлеба купи, не забудь, и кильку — я люблю.

На том и порешили.

Мишка вернулся к себе и основательно приколотил покрывало, плотно прикрыв дверной проём.

7

— Кто? Гибэдэдэшник? — Григорий пьяно расхохотался и обнял за плечи захмелевшего Мишку. — Верка, слышала? Да он на мойке работает! А ты уши развешил? Не бзди! Теперь мы его одолеем!

— Как мне надоел этот моралист проклятый, — пожаловалась Верка, устроившаяся за сто-

лом на табурете. — Рыбу не вари на общей кухне, капусту не туши. Кури на улице!

— Шас мы ему покажем! — Григорий, закулив, бросил зажигалку на стол. — В знак протеста!

— Ты закусывай, парень, — подсунула открытую банку тушенки хозяйка. — Огурчик вот. Ты сам-то откуда?

Мишка ответил.

— И чего сюда приехал? — воскликнул Гриша. — Сопли морозить? Тут знаешь какие зимы? Не то что у вас на югах. Тут мороз полгода! Снегу под два метра!

— Он имеет в виду сугробы, — пояснила Верка.

— Ага, — подтвердил Гриша. — И темно. Всё время темно. Световой день — три часа. Я срочно в Калининграде служил, вот где жить можно!

— Я здесь на завод устраиваюсь, — сказал Мишка.

Григорий расхохотался.

— Чего?! На завод! — он ржал так, что живот колыхался. — Все мухи летят на твой завод! — плюнул на пол Григорий. — Да я на этом заводе столько лет... Приди вовремя, уйди вовремя, перекур по свистку. Воспитывали, как собаку Павлова.

— Деньги же!.. Зарплата... — напомнил Мишка.

— Так там работать надо, — всплеснула руками женщина. — А этот только водку хлещет! Выгнали его с завода.

— Нет! — рявкнул Гриша. — Сам ушел! На пенсию.

— Выгнали, говорю, — ткнула в бок мужа Вера. — Работал бы дальше, так не жили бы в таких условиях.

— Каких? — прицепился Гриша.

— Затрапезных! — с напором выдала жена.

— Это чо такое? — удивился благоверный незнакомому слову.

— Короче, ты иди, парень, на завод, — участливо советовала Вера. — Учись там, не пей — будешь и зарабатывать. Там трудолюбивых ценят.

— Я и пойду. — Мишка встал, покачнулся, выбрался из-за стола.

Сунул ноги в тапки, вышел из комнаты в коридор. В захмелевшей голове у него была каша из мыслей, советов, желаний и надежд.

8

Через пару дней Мишка сходил в банк, получил карточку. Уже в своей комнате пересчитал остатки наличности, сложил с суммой на банковской карте, которую закинул ему отец. Понял: осталось всего ничего — пока на завод не устроился, надо срочно искать какую-то подработку.

В интернете Мишка нашел вакансию неподалеку от дома в продуктовом магазине большого торгового центра. Требовались упаковщики продуктов на период проводимой акции. Оплата ежедневная. Работа с девяти утра до девяти вечера. Без оформления. Короче, то, что нужно.

Мишка явился по адресу, побродил по магазину — огромный. Подошел к охраннику, который уже «принял стойку» и какое-то время маячил за спиной.

— Здравствуйте.

— Ну, привет, — напрягся парень в безрукавке «security» и с рацией в руке.

— Я по объявлению, — Мишка показал его на экране телефона.

— А, это тебе к администраторше. Пошли.

Мишка покорно пошел следом за охранником в подсобку.

— Правила такие, — объясняла полная женщина, которая оказалась тут главной. — Стоишь у кассы, продавец пробивает продукты, ты аккуратно складываешь в пакеты и подаешь покупателям. Улыбаешься, желаешь здоровья и всех благ. В каждый пакет кидаешь флаер. Есть один перерыв на полчаса, сам решишь когда. Можно прийти сюда, в подсобку, согреть чайник, пообедать. Охранники будут фиксировать время отсутствия, так что без обмана. В конце смены старший продавец выдаст тебе тысячу. Вопросы появились?

Мишка пожал плечами: работёнка — семечки.

— Тогда можешь приступать, — администратор глянула на часы. — Уже двенадцать, так что сегодня без обеда. Зато вечером получишь полную оплату. Женя, проводи его.

Мишка и охранник пошли обратно в торговый зал.

— Тут текучка страшная в связи с этой акци-

ей, — поделился Женя. — Каждый день новые лица.

Мишка удивился:

— Почему?

— Говорят, тяжело.

— Слабаки, — фыркнул Мишка. — А куда вы курить бегаєте?

— Тут повсюду камеры, специальный человек следит за нашим передвижением. Загаситься не дадут.

Женя подвёл Мишку к прилавку:

— Вот. Работай тут. А я пошёл по периметру пройду.

Продавщица, к которой приставили Мишку, не обратила на новичка никакого внимания. А он выдернул из пачки пакетов один и принялся укладывать в него продукты покупателя. Тут же лежала стопка флаеров — один сунул в пакет.

— Какой сервис! — удивился дяденька. — Спасибо!

— Мир вашему дому, — ослепительно улыбнулся Мишка и вытащил следующий пакет.

Через три часа ему захотелось в туалет. Сбежал. Через шесть стали болеть пятки. Он походил немного по залу взад-вперёд, пока не было покупателей. Тут же явился Женя, которому по рации передали, что Мишка решил свалить.

— Да я просто ноги размять ходил, — оправдывался Мишка.

— Ты осторожнее. Могут не заплатить, — предупредил Женя.

— Произвол! — Мишка закатал рукава.

В девять вечера к нему и ещё трём пацанам, с которыми он так и не успел познакомиться, подошла какая-то тётенька и выдала по тысячной бумажке.

— Приходите завтра, — пригласила она.

«Ладно, пока сойдёт, — подумал Мишка, — бывает и похуже работёнка».

9

Он отработал в магазине ещё четыре дня и бросил это дело. К вечеру ноги так устали, что домой приходилось идти на цыпочках, шоркая подошвами обуви по асфальту. Па-

цанчики, с которыми он начинал в первый день, продержались и того меньше. Мишке показалось, что он даже похудел за те дни. На работе удавалось разок заварить растворимых макарон и закинуть, не пережевывая, прямо в ненасытную утробу. Домой он приходил жутко голодным, разогревал гречу с сосисками, ел и заваливался спать. Кому нужна такая жизнь? В колонии хотя бы почитать время было и кормили лучше.

Каждый день Мишка звонил отцу. Результат с документами был пока нулевой. В военкомате сказали, что надо прибыть лично, участковый, наоборот, предупредил, чтобы Мишка не вздумал возвращаться.

Неожиданно Мишке позвонила подруга из прошлой жизни. Оказалось, раздобыла номер у его матери. С той девичей закрутилось: без конца сообщения в мессенджере, звонки. На Мишку нахлынули такие чувства, что два дня как очумелый бродил по городу, уткнувшись глазами в экран телефона.

— ...Приезжай ко мне, медвежонок, — ворковала девочка в трубку. — Я по тебе скучаю...

Батарея старого телефона разряжалась. Мишке приходилось заходить в торговые центры, подзаряжаться. Пока ждал зарядки, глазел на людей, проходивших мимо, и злился. Ходят тут, мощной трясут! Мимо проплывали самодовольные мужчины, холёные женщины, проносились стайки нарядных тинейджеров. Никого, похожего на себя, в торговике Мишка не замечал. Может, он тут лишний? Может, пора домой? Мишка кружил по залитым майским солнцем улицам северного города, будто ошалевшая после зимней спячки муха.

Подруга всё названивала, строчила сообщения. Здравый смысл говорил Мишке, что всё это ерунда. Пацанское сердце рвалось на части: а вдруг она его действительно любит?

«Сгоняю в посёлок на пару дней, пока работы нет, — наконец засобирился Мишка. — Гляну в глаза ей. Заодно в военкомат схожу да по диспансерам справки соберу».

Решал, думал, а в голове уже другое крутится: «Может, ну его, этот завод? Дурацкая затея. Заморочили голову сотрудики. Подре-

зять крылья хотели. Труби там от звонка до звонка, по будильнику вставай...» Закусило Мишку — хоть бегом беги домой, в родной посёлок. Но путь не ближний. А ехать — деньги нужны.

Пока шёл в общагу, сообразил, где добыть денег на дорогу до дома. Уже в комнате общаги первым делом написал сообщение начальнику отряда, занял «под честное слово» пятьсот рублей, затем позвонил замполиту, ещё нескольким сотрудникам. Те скидывали на карту, так что за пару часов у Мишки набралась приличная сумма. Через приложение в телефоне купил плацкартный билет на ближайший поезд.

До отъезда времени оставалось мало. Мишка собрал вещи в сумку, закрыл дверь комнаты на ключ и постучал к соседям. Открыл Гриша.

— Придержите ключи у себя. Я на пару дней сгоняю на родину, — соврал Мишка. — Документы оформить нужно.

— Ага, — равнодушно кивнул похмельный сосед.

Мишка пошёл к выходу из секции. А Гриша закрыл свою дверь. Покрутил связку ключей на пальце — даже от домофона «таблетку» себе не оставил. Вернется он, ага.

Из кухни вернулась пропахшая рыбой Вер-

ка. Увидела в руках мужа связку ключей и сразу догадалась.

Что, уехал? — спросила, вытирая руки о халат.

— Ну, — Гриша усмехнулся.

— Каждому — своё, — рассудила женщина.

— И то верно.

Антон Алексеевич ШУШАРИН

родился в 1987 году.

Окончил Санкт-Петербургский

государственный морской технический университет

и магистратуру

Московского финансово-юридического университета.

Прозаик.

Автор трех книг.

Публиковался в журналах «Двина», «Нева», «Север»,

«Наш современник» и др.

Член Союза писателей России.

Живёт в Архангельске.

